

гущѣ семейнаго скандала. Окруженный Софьей, Чацкимъ, Лизой и швейцаромъ Филькой, Фамусовъ, именно въ силу столь разнороднаго своего окруженія, волнуется и мечетъ громаы гнѣва *сразу на нѣсколько ладовъ*, смотря по тому, къ какому изъ стоящихъ передъ нимъ четырехъ персонажей онъ обращается въ каждый отдѣльный моментъ. Какъ видно, изъ описанія Поливанова, Щепкинъ въ этомъ дѣйствіи „Горя отъ ума“ видѣлъ сущность своей сценической задачи именно въ томъ, чтобы показать въ короткой сценѣ цѣлую гамму оттѣнковъ въ чувствѣ негодованія и гнѣва. Четыре челоѣка стоятъ передъ Фамусовымъ, каждый изъ нихъ вызываетъ его гнѣвъ, но этотъ гнѣвъ въ одно и то же время получаетъ въ душѣ Фамусова четыре разновидности, настолько отличныхъ другъ отъ друга, что можно сказать, что душа Фамусова заразы дро-бится по четыремъ различнымъ чувствамъ. И тутъ-то Щепкинъ являлся въ своей настоящей стихіи, развертывая передъ зрителями легко и ярко сложнѣйшій психологическій узоръ; въ такомъ изображеніи сложной дробности психическихъ переживаній онъ именно и полагалъ коренную задачу сценическаго реализма.

Въ изображеніи Щепкина — на Софью Фамусовъ гнѣвался яростно, какъ на предательницу, которая выдала его головой передъ всѣми московскими Марьями Алексѣевнами; на Чацкаго онъ гнѣвался злобно-саркастически, какъ будто даже радуясь въ глубинѣ души тому, что этотъ заносчивый умникъ попался съ поличнымъ въ такой нехитрой продѣлкѣ и его можно просто выгнать изъ дома. Злобный сарказмъ при этомъ выражался, между прочимъ, въ томъ, что, отказывая Чацкому отъ дома, онъ облакалъ эту унизительную для Чацкаго операцію въ формы иронически-утонченной галантности, въ которой такъ и сквозило упоеніе своей местию. И на двухъ своихъ слугъ Фамусовъ-Щепкинъ гнѣвался, при этомъ, совершенно различно. Фильку онъ распекалъ издали, не переходя предѣловъ важнаго барина, который не приближается къ рабу самъ, а вотъ къ рабынѣ-Лизѣ баринъ привыкъ приближаться, а потому и здѣсь онъ схватываетъ ее за руку и сердится на нее съ оттѣнкомъ фамиллярности ¹⁾.

¹⁾ Нельзя не оцѣнить всей эстетической тонкости этихъ оттѣнковъ, опиравшихся на глубокое знаніе быта. Г. Станиславскій ввелъ тутъ пріемъ, яко-